

Д. Л. ТАЛИС

МАТЕРИАЛЫ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА (цитадель Баклинского городища)

На небольшой территории юго-западного Крыма или, точнее, в еще более узких пределах — в той части второй гряды Крымских гор, которая здесь проходит, находится группа поселений, хорошо известная не только специалистам, но и всем сколько-нибудь интересовавшимся историей Крыма. Наиболее крупные из них: Каламита (Инкерман), Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Мангуп, Бакла. Причина столь широкой популярности этих памятников заключается в том, что о них упоминают многие путеводители по Крыму, начиная с середины XIX в., не говоря уже о специальных работах, к сожалению, немногочисленных¹. В свою очередь, авторы путеводителей и даже путешествующие дилетанты XVIII—XIX вв. знали или слышали об этих памятниках потому, что одни из них никогда не были полностью задернованы и сохранили на поверхности видимые остатки оборонительных и культовых сооружений (Мангуп, Каламита, Чуфут-Кале), а другие — с полностью погребенными в культурном слое военными, жилыми и культовыми сооружениями — имели на поверхности некоторые хозяйственные комплексы: цистерны, тарапаны, пещеры, колодцы (Эски-Кермен, Бакла).

В популярную литературу все эти поселения вошли в ореоле загадочно-романтического имени «пещерные города», которое держалось довольно долго и проникло даже в специальные исследования. Восторженными описаниями и эпитетами эти памятники награждались уже в XIX в., когда они еще не были исследованы. Но и в настоящее время изученность их нельзя назвать удовлетворительной. Площадь раскопанных участков колеблется от сотых долей процента (Мангуп) до нескольких процентов (Бакла) территории памятника.

Между тем эти поселения представляют действительно большой интерес для этнической, военно-политической, но прежде всего экономической и социальной истории Крыма. Независимо от эмоциональных либо абстрактно-социологических мотивов, по которым они причислены к категории городов, встает и в самом деле вопрос, какова их социально-экономическая природа, а

стало быть, условия генезиса и существенные функции. Для однозначного ответа данных нет. Письменные источники, скудные и отрывочные, сведений об этой стороне жизни практически не содержат. Имеются лишь археологические материалы, очень неравномерно освещающие факты экономической истории. К тому же полисемантизм археологических данных не позволяет зачастую однозначно трактовать и те факты, которые выявлены в результате полевых исследований. И что хуже всего, археологические источники наименее определенно интерпретируются применительно к социальным отношениям.

Поскольку, однако, других источников, кроме вещественных, для изучения социально-экономической истории горного Крыма нет и они вряд ли появятся, есть смысл, опираясь на материалы одного из сравнительно более полно исследованного поселения — Баклинского, выяснить, в какой степени в археологических данных отображаются факты не только экономической, но и социальной истории рассматриваемой территории, и возможно ли, хотя бы в будущем, однозначное толкование этих фактов. Задача настоящей статьи еще более узкая — попытаться установить связь между особенностями местоположения цитадели, некоторыми фактами экономического развития и возможными социальными изменениями в жизни населения городища. Никакими другими вопросами, в том числе хронологии, мы заниматься здесь не будем.

Раскопками выявлена оборонительная система цитадели Баклинского городища, установлены ее конструктивные особенности. Материалы полевых исследований опубликованы и останавливаться на описании оборонительных сооружений нет нужды². Отметим все же одно существенное обстоятельство. Памятник находится на плато, в треугольнике, образованном, с одной стороны, обрывом плато, а с двух других — сходящимися под углом грядами нуммулитового известняка. Эти последние полностью господствуют над территорией городища, и цитадель, хотя и огражденная стенами, как и вся остальная часть городища, независимо от высоты стен, была открыта сверху, находясь в зоне достигаемости полета стрелы. Оставляя в стороне фортификационные просчеты, можно предложить два объяснения. Во-первых, местоположение памятника, кажущееся сейчас неудачным, рассматривалось как-то иначе. Скажем, считалось достаточным иметь на опоясывающих грядах какие-то легкие сооружения — полностью разрушившиеся, не оставившие следов, или наблюдательные посты, предупреждавшие об опасности. Поскольку, однако, защиту от сколько-нибудь значительных и преобладающих сил могла обеспечить только крепостная оборона, это объяснение оставляет недоумение по поводу явного пренебрежения строителей цитадели возможностью обстрела сверху. Независимо от этих недоумений соображения, которыми руководствовались при сооружении боевых стен, оказались, очевидно, верными. Судя по

материалам раскопок, цитадель, существовавшая не менее 700 лет, подвергалась за это время значительным разрушениям трижды. Это нельзя считать слишком частым, учитывая, что Херсонес, Боспор, Эски-Кермен в течение этого времени также являлись неоднократно жертвами разгрома³. Второе объяснение заключается в том, что цитадель и не была рассчитана на противостояние сколько-нибудь сильному и технически опытному противнику, а являлась выражением и инструментом социального господства. К этому нам придется еще раз вернуться.

Рассматриваемый памятник существовал с момента возникновения как открытое поселение в течение, по меньшей мере, двух, а возможно и трех, столетий. Затем часть памятника была обнесена боевой стеной, превратившись, таким образом, в цитадель, другая же так и осталась, очевидно, неукрепленной. Той части поселения, которая была превращена в цитадель, предшествовали сооружения производственного назначения, располагавшиеся на юго-западном участке будущей цитадели. Они представляли собой высеченные в скальном грунте цистерны, тарапаны, чаны, отстойники, водоотводные желоба и принадлежали, по всей видимости, винодельческому комплексу. Поскольку сооружения комплекса были заложены или разрушены частью при строительстве жилых помещений следующего строительного периода, а частью во время возведения боевых стен, относительная хронология соответствующих строительных периодов достаточно ясна⁴.

Подобного рода винодельческие комплексы сохранились и на других участках Баклинского городища, кое-где в незадернованном виде. Их хронология в силу общности конструкции и назначения, возможно, совпадает или близка комплексу цитадели. Во всяком случае, на незадернованных участках явственно прослеживается, что функционирование некоторых комплексов было искусственно прекращено в результате переделок отдельных сооружений и использования их (что экономит труд по высеканию скального грунта) по другому назначению. Например, цистерны при строительстве боевых пещерных казематов в нижней части были расширены, а в верхней оставлены горловины, служившие люком. Тарапаны после переделки использовались как высеченные в скале гробницы. Все это свидетельствует о том, что к моменту сооружения обороны Баклинского городища винодельческие комплексы перестали использоваться. Важно отметить, что этот факт не является изолированным и присущим только рассматриваемому памятнику, но прослеживается и в Эски-Кермене⁵. Можно, таким образом, предполагать, что к моменту строительства жилых сооружений на юго-западном участке Баклинской цитадели, датируемому концом III—началом IV в. н. э., занятия виноделием, а стало быть, и виноградарством, если и не прекратились совсем, то в определенной степени сузились, это явление характерно не только для Баклинского городища.

Прекращение виноградарства и виноделия, невзирая на благоприятные природные условия, можно было бы объяснить радикальной сменой населения, т. е. практически полным уничтожением и вытеснением прежних обитателей новыми, не знавшими культуры виноградарства. История Крыма III—V вв., особенно горных районов, известна плохо, поэтому и такое объяснение, в принципе, отвергать нельзя, но все же некоторые данные, как кажется, противоречат ему: наличие полиритуальных могильников, одновременное бытование разноэтничных керамических типов⁶. Очевидно, какая-то часть населения осталась в пределах района первоначального обитания, т. е. не обязательно на старом месте, но, во всяком случае, в предгорном и горном Крыму.

По-видимому, более справедливым будет предположение о свертывании винодельческого производства в связи с сужением рынка. Можно определенно утверждать, что на памятниках, датируемых временем не ранее последней трети первого тысячелетия (Кыз-Кермена, Чуфут-Кале, Тепе-Кермена, Сюрени), цистерн нет. Возможно, этим объясняется наличие среди сельскохозяйственных орудий, довольно многочисленных в поздних слоях Баглинской цитадели (XII—XIV вв.), только орудий пашенного земледелия: сошников, серпов, кайл-секир — и отсутствие орудий, в какой-либо степени характерных для виноградарства. К этому следует добавить, что единственными крупными емкостями в хозяйстве обитателей средневековых поселений горного Крыма после прекращения сооружения цистерн были пифосы, в значительном количестве обнаруженные *in situ* на Баглинском городище, зачастую в целом виде, закрытые крышками, предохранявшими их от натеков земли. В пифосах неоднократно встречено зерно, чаще всего просо и пшеница, последняя от единичных зерен до 6—8 кг. Встречен также ячмень. В качестве недвижимых емкостей использовались и амфоры, иногда с отбитыми ручками, и большие горшки, вкопанные в землю. В этих сосудах также хранили зерно. Не исключено, конечно, что решительное преобладание в пифосах зерна объясняется спецификой места обнаружения — цитадели. Учитывая, однако, и другие факты, о которых шла речь, следует все же констатировать свертывание где-то в середине первого тысячелетия нашей эры или несколько раньше виноградарства и виноделия.

Так как о масштабах виноградарства можно судить в конечном счете лишь на основании находок винодельческого производства, то формулируемый вывод нуждается в защите от предположения о резком изменении технологии производства. В этом случае вывод был бы неверен. Однако такое предположение маловероятно. Винодельческое производство всегда, вплоть до наших дней, нуждалось в больших емкостях — для выдавливания сока, его отцеживания, брожения. В причерноморских античных центрах позднеримского времени с их развитым винодельческим промыслом также использовали цистерны, хотя другого типа —

это высеченные в скале или выкопанные в материковом грунте прямоугольные или округлые в плане резервуары, борта которых облицованы кладками, оштукатуренными чаще всего цемянковым раствором⁷. На последующих стадиях производства в качестве емкостей использовались пифосы.

Можно думать поэтому, что отказ от использования имевшихся значительных по объему емкостей (объем цистерн Баклинской цитадели колеблется от 0, 3 до 4,8 т, пифосов — до 1 т) свидетельствует об изменении направления связанной с этими емкостями хозяйственной деятельности; в рассматриваемой ситуации — к преобладанию зернового направления. Данные, подтверждающие, хотя и негативным образом, изложенную точку зрения, содержатся в «Геопониках» — византийской сельскохозяйственной энциклопедии X в.

Составитель энциклопедии советует для лучшей сохранности вина придерживаться определенных правил. В частности, пифосы с вином, непременно осмоленные, устанавливаются следующим образом. Во-первых, на расстоянии не менее фута (29,5 см) один от другого, во-вторых, закапывать их в землю от половины до двух третей высоты⁸. Найденные в цитадели *in situ* в помещениях комплексов А, Б, II и других пифосы, объединенные в группы по три-четыре штуки, поставлены практически вплотную один к другому, закопаны в землю нередко до горловины, и ни один из них не просмолен. Смоление пифосов на Баклинском городище вообще не зафиксировано.

Конечно, при отсутствии других фактов невыполнение рекомендаций столичных авторов в одном из пунктов глухой окраины Византийской империи по культуре виноделия еще не служило бы аргументом против использования пифосов в качестве винохранилищ. Но в ряду других соображений это обстоятельство также не следует упускать из виду. Кроме того, наличие в цитадели большого количества белоглиняной поливной посуды константинопольского производства X в.⁹ указывает на возможность проникновения и в столь отдаленные углы, как Баклинское городище, вместе со столичным импортом и всякого рода практических рекомендаций, коль скоро в них испытывалась бы нужда.

Мнение о преимущественно зерновом направлении в развитии сельского хозяйства не только рассматриваемого района, но и Крыма вообще — во всяком случае, в производстве продукции, поступающей на рынок, — в эпоху средневековья находит подтверждение в некоторых фактах экономической истории Трапезунда XIII—XV вв. Согласно многочисленным данным письменных источников, Трапезунд в массовых количествах закупал зерно (пшеницу, просо) и муку в Крыму и в столь же значительных масштабах экспортировал туда вино¹⁰. Эти сведения, сообщаемые источником, независимым от рассмотренных, очень важны. Без возможности такого сопоставления рисуемая археологическими данными картина преобладания зернового направления

в сельском хозяйстве Баклы могла бы казаться неадекватной. Причина заключается в том, что эти данные получены при раскопках и по наблюдениям в цитадели, которая отличается рядом признаков от остальной части памятника. В частности, в цитадели существенно больше пифосов, служивших, как сказано, в основном емкостями для зерна. Из продуктов, которые можно идентифицировать, в пифосах встречается еще сушеная рыба.

Количество пифосов в помещении цитадели различно, оно варьирует от слоя к слою, от одного строительного периода к другому. Различна установка пифосов: единичными экземплярами, парами или целыми гнездами. Но при всем том принцип соблюдается неукоснительно: жилой комплекс (включающий жилые и хозяйственные помещения, иногда небольшой дворик) должен был в одном или нескольких хозяйственных помещениях содержать пифосы. Часть этих помещений служила кладовыми для пифосов в течение почти всего периода существования цитадели (т. е. охватывая три строительных периода), в других кладовых пифосы использовались в продолжение одного-двух строительных периодов.

Технология производства и особенности эксплуатации пифосов (неподвижно вкопанные в землю) обеспечивали их долговечность и замедленность амортизационного износа. Это обстоятельство затрудняет датировку пифосов, поскольку сопровождающий материал из слоя определяет по преимуществу не дату изготовления, а период бытования пифосов, который мог быть очень длительным. Следует полагать поэтому, что замена пифосов являлась результатом не столько физического износа, сколько ремонтов и переделок внутри помещений, где они стояли. Большая часть разбитых пифосов, а стало быть, и их фрагментов в слое является, очевидно, следствием этой строительной деятельности. Такого рода работы, как показывают раскопки, могли совершаться неоднократно на протяжении одного строительного периода, но при этом функционирование помещений в качестве кладовых для пифосов сохранялось, как отмечено, в течение длительного времени.

Массовые находки пифосов и в целом виде, *in situ*, и в обломках независимо от причин, обусловивших многочисленность обломков, указывают на весьма значительные запасы зерна, предназначавшиеся для хранения в цитадели. Тем самым обозначается одна из функций цитадели (может быть, важнейшая) — защищенное хранилище зерна. В какой-то мере этот вывод может снять недоумение по поводу невнимания строителей цитадели к возможности обстрела сверху.

В связи с изложенной точкой зрения возникает вопрос о том, можно ли поставить в связь с такой концентрацией продовольствия в одном месте на протяжении столетий какие-либо факты социальной организации. Раскопками в цитадели выявлен комп-

лекс с жилыми и хозяйственными помещениями, с пифосами и без них и открытым двориком, в котором также стояли пифосы. В этот же комплекс, исключая последний строительный период, был встроен однонефный храм — часовня. Размеры комплекса, его местоположение в цитадели, наличие небольшого храма, явно предназначенного для одной семьи или, во всяком случае, небольшой группы прихожан, дворик и кладовые, содержавшие помимо пифосов много посуды, — достаточно явственно отделяют обитателей этих помещений от остального населения. О социальном облике владельцев здания говорит и клад золотых и серебряных вещей, спрятанный под полом одного из помещений накануне или во время разгрома конца XII — начала XIII в. После него жизнь еще раз восстановилась, но полностью в прежнем виде комплекс отстроен не был. Перестал функционировать храм, превращенный в жилое помещение.

Золотые и серебряные украшения, правда, не в таком количестве и попроще — продетые одно в другое крупные (диаметром 4—5 см) кольца — были найдены еще в двух других жилых комплексах цитадели. Многочисленны также находки привозной поливной керамики XII—XIV вв. в различных помещениях. Неясность социальных отношений между обитателями цитадели не позволяет отчетливо объяснить причины скопления здесь зерновых запасов.

Наличие каких-то социальных градаций на самом городище очевидно — это явствует хотя бы из того, что часть населения жила за боевыми стенами, а часть — вне. Это, однако, не дает возможности считать зерновые припасы цитадели результатом социального неравенства (т. е. рентой, налогом, какими-либо сборами, поборами и т. д.). Против этого говорит обилие находок сельскохозяйственных орудий в жилых комплексах цитадели, вероятно, указывающих на то, что обитатели этих комплексов сами занимались обработкой земли. Однако их возможная зависимость в какой бы ни было форме от владельцев наиболее обширного жилого сооружения делает вполне допустимой мысль, что в пифосах цитадели хранили и общественные припасы зерна, находившиеся в ведении этих владельцев, может быть, в экстремальных ситуациях, или даже в торговых целях.

Такого рода предположение тем более вероятно, что есть серьезные основания приписывать им половецкое происхождение¹¹. Половцы же были активными посредниками и в какой-то мере организаторами транзитной торговли в Северном Причерноморье, извлекавшими из нее немало выгод¹². Изложенная ситуация в достаточной мере гипотетична. Оправданием ее, однако, служит то обстоятельство, что в последний период существования цитадели, когда боевые стены были в значительной мере разрушены и цитадель, таким образом, превратилась в незащищенную часть поселения, существенно уменьшилось количество функционировавших пифосов. Этот факт свидетельствует о том, что

предлагаемое объяснение не противоречит намечающейся хотя бы пунктирно линии развития.

Центральный комплекс цитадели наиболее интенсивно функционировал, вероятно, в XII—XIII вв. Но в предшествующее время, как кажется, наиболее значимым был комплекс помещений, примыкавший к боевым стенам. Там было сосредоточено наибольшее количество находок привозной константинопольской белоглиняной керамики, а в некоторых сохранившихся после перестроек помещений кладках из штучного камня прослеживается хорошая ремесленная школа¹³. Такие кладки на Баклинском городище больше не встречаются. Возможно, в этом перемещении, так сказать, центрального комплекса можно видеть отражение какой-либо более значимой динамики. Более определенные суждения были бы, однако, преждевременны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Историографию см.: **Равдоникас В. И.** Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья.— ИГАИМК, 1932, т. 12. вып. 1—8, с. 5—29; **Тиханова М. А.** Дорос — Феодоро в истории средневекового Крыма.— МИА, 1953, № 34, с. 319—325; **Якобсон А. Л.** Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики.— МИА, 1970, № 168, с. 10—26.

² **Талис Д. Л.** Оборонительные сооружения Юго-Западной Таврики как исторический источник.— В сб.: Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1974, с. 98—105.

³ **Якобсон А. Л.** Раннесредневековые поселения Восточного Крыма.— МИА, 1958, № 85, с. 459; **Он же.** Средневековый Херсонес.— МИА, 1950, № 17, с. 14; **Репников Н. И.** Остатки укреплений Эски-Кермена.— ИГАИМК, 1932, т. 12. вып. 1—8, с. 208—210.

⁴ **Талис Д. Л.** Оборонительные сооружения..., с. 98—102; **Он же.** Раскопки Баклинского городища в 1961—1965 гг.— КСИА АН СССР, 1969, № 120, с. 58—60.

⁵ **Репников Н. И.** Остатки укреплений Эски-Кермена, с. 198—199; **Он же.** Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928—1929 гг.— ИГАИМК, 1932, т. 12, вып. 1—8, с. 129—131, рис. 21. Н. И. Репников считал цистерны зерновыми ямами, предназначенными для гарнизона крепости и, стало быть, существовавшими одновременно с обороной. Одним из его аргументов является ссылка на цистерны Баклы (**Репников Н. И.** Остатки укреплений Эски-Кермена, с. 199). Но как раз стратиграфическая ситуация, в которой находились цистерны баклинской цитадели, исключает предположение Н. И. Репникова. Цистерны не могли функционировать одновременно с боевыми стенами и являться зернохранилищами гарнизона защитников хотя бы по той причине, что те цистерны, которые при строительстве первой линии обороны не были перекрыты этой оборонительной линией, оказались перед боевой стеной. Эта же причина исключает использование цистерн как хранилищ воды для оборонявших цитадель. Говоря о баклинских цистернах, Н. И. Репников ссылается на сделанное И. И. Волошиновым (**Волошинов И. И.** Пещерное поселение Бакла.— Зап. Крымск. о-ва естествоиспытателей и любителей природы. Симферополь, 1912, т. 2, с. 155.) описание незадернованных групп цистерн, в котором, однако, не упоминается наличие в некоторых группах тарапанов. Функционирование этих цистерн как винодельческих комплексов объясняет их сооружение по преимуществу (но не исключительно) на Баклинском и Эски-Керменском городищах по краю скалы. Здесь, во-первых, легче было, используя естественные покатости, создать стоки, необходимые при выдавливании винограда, и, во-вторых, содержать

скалу в очищенном состоянии. Важно указать, что винодельческие комплексы и в тех случаях, когда они не располагались на обрывистом краю плато, сооружались все же на террасообразных выходах скалы, хотя бы несколько возвышавшихся над окружающей местностью с тем, чтобы легче было создать стоки и расположить отстойники. В такой ситуации по краю скальной площадки были высечены цистерны, перекрытые позднее боевой стеной баклинской цитадели. Что же касается соответствия между расположением цистерн и краем плато, которому (краю), естественно, соответствуют и оборонительные сооружения.

Данные о стратиграфической ситуации, определяющей относительную хронологию цистерн Эски-Кермена, независимо от назначения последних, подтверждают справедливость мнения Н. И. Репникова о прекращении функционирования цистерн не позднее первого строительного периода. Его верхнюю границу Н. И. Репников определяет хазарским вторжением, т. е. VIII в. н. э. (Остатки укреплений Эски-Кермена, с. 111, 198).

⁶ **Лобода И. И.** Раскопки могильника Озерное III в 1963—1965 гг.—СА, 1977, № 4, с. 242 сл.; **Бабенчиков В. П.** Чорноріченський могильник.—АП, Київ, 1963, т. 13, с. 90—123; **Стржелецкий С. Ф.** Раскопки в Инкермане в 1940 г.—СА, 1947, № 9, с. 273—302; **Он же.** Позднеантичный могильник в Инкерманской долине.—КСИА АН УССР, 1959, № 8, с. 139—145; **Веймарн Е. В.** Археологічні роботи в районі Інкермана.—АП, 1963, т. 13, с. 15—89.

⁷ **Гайдукевич В. Ф.** Виноделие на Боспоре.—МИА, 1958, № 85, с. 352—457; **Стржелецкий С. Ф.** Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи.—Херсонесский сборник. Симферополь, 1959, вып. 5, с. 152—159.

⁸ Геопоники. Введ., пер. и комм. Е. Э. Липшиц. М.—Л., 1960, с. 126—129.

⁹ **Талис Д. Л.** Поливная керамика Баклинского городища.—СА, 1976, № 4, с. 64—72.

¹⁰ **Карпов С. П.** Особенности развития поздневизантийского города-эмпория. (Трапезунд в XIII—XV вв.).—ВО. М., 1977, с. 96—98.

¹¹ **Талис Д. Л.** Кочевнические компоненты в населении средневековых городищ горного Крыма.—В кн.: История и культура Евразии по археологическим данным М., 1980, с. 101—106.

¹² **Якубовский А. Ю.** Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малозасийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в.—ВВ, 1928, т. 25, с. 63—66.

¹³ **Талис Д. Л.** Раскопки Баклинского городища в 1961—1965 гг., с. 60, рис. 18.